

История одной книжки

Назвать её книгой – вряд ли уместно. Скорее это книжица, но не в смысле уничтожения, а просто ввиду её малоформатности – в пиджачный карман вполне уместится, да и страничек-то в ней всего 36. Вот её полное библиографическое описание:

Клюев Н. Мать Суббота. – Петербург: Полярная Звезда, 1922. – 36 с. (см. фото).

Выходные данные этого издания таковы: Главлит №3260. Тираж 3000 экз. Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Пл. Урицкого, 10). А на первой страничке курсивом напечатано посвящение: *Николаю Ильичу Архипову – моей последней радости!*

Эта книжица стихов, изданная в конце гражданской войны и отпечатанная на низкосортной, уже пожелтевшей бумаге, имеет сейчас не только значение литературно-издательского раритета, но также историко-символическое. Она была представлена на Вторых Всероссийских Клюевских чтениях (в октябре 2011 г., в Томске) в качестве неожиданного материального свидетельства последних лет **обитавания** поэта в нашем городе. Дело в том, что принадлежала она самому автору и, видимо, была свидетельницей всех его мытарств на томской земле, а буквально за два-три дня до его последнего ареста, в начале июня 1937 года, он подарил её моим родственникам Мягковым.

Дальнейшее повествование о людях и обстоятельствах этой «библиофильной» истории, представляется по воспоминаниям Нины Петровны Мягковой, которыми она делилась в кругу своих родственников и которой автор данной заметки приходится внучатым племянником.

После колпашевского этапа своей ссылки, находясь уже в Томске, Николай Алексеевич Клюев состоял в дружеских отношениях с другим политссыльным – Ростиславом Сергеевичем Ильиным, который был личностью незаурядной, широко образованной (даже находясь в томской ссылке, он состоял в переписке с академиком В. И. Вернадским). Именно Р. С. Ильин предсказал нефтегазоносность недр Западной Сибири, о чём уговорил будущего академика М. А. Усова доложить выше по инстанциям. Причастный тогда к руководству геологической службой региона Иван Михайлович Мягков настоял на экспедиции Ильина в районы Среднего Приобья для подтверждения этой гипотезы, несмотря на то, что организация даже небольшой экспедиции под руководством бывшего эсера была дипломатически сложным и политически рискованым делом. Однако интересы самого дела и его перспективы для этих людей представлялись выше прочих соображений, и экспедиция (из четырёх человек) состоялась. Ростислав Сергеевич в те времена по заданию М. А. Усова занимался составлением геологической карты Западно-Сибирского региона, кроме того, ему было позволено преподавать в томском университете (ТГУ). Взаимоотношения его с коренным томичом И. М. Мягковым были вполне дружескими и доверительными (после кончины Ивана Михайловича в 1991 году о нём в областной прессе была статья томских историков Осадшей . . . и Я. А. Яковлева «Последний энциклопедист Томска», а из последних публикаций о нём, пожалуй, следует назвать статью профессора ТГУ А. Малолетко «Исследователь Кулайки» в отраслевом журнале «Недра Сибири», №6, 2009 г.). Но не только профессиональные интересы связывали этих людей. Иван Михайлович имел великолепную библиотеку и был обладателем довольно большой редкости по тем временам – хорошего радиоприёмника, к тому же имел большую

коллекцию грампластинок с хорошей музыкой. И собиралась иногда к Мягковым томская интеллигенция «ближнего круга», в частности, профессора политехнического (индустриального тогда ещё) института Готовский, Боголюбский, Геблер, тогда ещё молодые А. А. Воробьев и Е. К. Завадовская, преподаватель Томского муз. техникума Корчинский Е. Н. и другие, приходили и семьями, так сказать, на культурно-просветительские посиделки. Бывал и Ростислав Сергеевич («неистовый Ростик»), но чаще он захаживал один, чтобы послушать радио. А однажды он привёл с собой опального поэта Николая Клюева. Затем это повторилось ещё два. Семья Ивана Михайловича тогда находилась в относительном достатке, и естественным желанием этого гостеприимного семейства было поддержать морально и накормить поэта, который оказался в весьма бедственном и угнетённом состоянии. Проживали Мягковы тогда на втором этаже добротного 2-этажного деревянного дома, которого теперь уже нет между сохранившимися ещё домами с нынешними адресами №1 и №3 по улице Гагарина, т. е. фактически на нынешней площади Батенькова, изваяние которого, водружённое на месте алтаря Благовещенского собора, с немым укором, кажется, смотрит как раз в сторону этой архитектурной «прогалины», как будто вопрошая с наполеоновским тоскливым спокойствием: «Чем же вы теперь латаете все прорехи российской истории?».

Большую часть воспоминаний о Клюеве Нина Петровна изложила в 1993 году в интервью новосибирским кинодокументалистам для фильма о нём. При этом, однако, она ограничилась почти исключительно воспоминанием лишь последнего его «визита». Но я бы хотел предварить рассказ о нём упоминанием одного из ранних посещений Клюевым дома Мягковых (также совместное с Ильиным). Об этом визите Н. П. к моменту интервью, видимо, уже могла забыть в своём 90-летнем возрасте. Но мне она рассказывала об этом в годах 70-х, когда была в полном здравии (и ещё заведовала кафедрой английского языка в политехническом институте). Было это, видимо, в году 35-ом или 36-ом. И было тогда у них застолье с разговорами на разные темы. А после этого Ильин как-то между делом, зная о широких интересах и осведомлённости Ивана Михайловича не только в области археологии, этнографии, геологии, но и в вопросах искусства, спросил у него: «Ну что же ты тогда, на правах хозяина, не попросил Клюева стихов своих почитать?». Иван Михалыч, к своим тогдашним годам 37 уже изрядно «постигнувший людей», пояснил тогда Ростиславу Сергеевичу, что это было бы не весьма корректным, ибо могло выглядеть эдаким, хоть и внешне пристойным, но всё же понуждением к расплате за гостеприимство.

Ниже приводится почти полная запись рассказа Нины Петровны, причём, взятая не с материалов кинодокументалистов, а с параллельной любительской киносъёмки, которую вёл во время интервью друг семьи Мягковых и ученик Н. П. – Станислав Вавилов. Эта запись более полная по сравнению с представленными в кинофильме воспоминаниями Нины Петровны последней встречи её с Клюевым. Конечно, всю беседу с ним не могла она помнить дословно, но вот как она это сохранила в памяти.

«Это было в начале июня. Чудесный весенний день. Окна были открыты. Пришёл Ростислав Сергеевич – Ильин. Это геолог, который тесно связан был с моим мужем. Муж в это время издавал геологическую литературу, и в частности, для Р.С. он очень много

Этот краткий дилетантский литературоведческий экскурс приведён здесь лишь для того, чтобы обосновать моё предложение, выдвинутое на Вторых Ключевских чтениях: создать парный памятник Ключеву и Есенину в такой «мизансцене», как это описывал сам Ключев в беседе с Н. П. Мягковой (хорошо бы подтвердить эту информацию и другими воспоминаниями).

Во-первых, народы любят своих гениев, и любой российский город не отказался бы от памятника Есенину, как и Пушкину, например. И во многих городах (региональных центрах, по крайней мере) это реализовано.

Во-вторых, наличие творческого «тандема» Ключев–Есенин исторически доказано (и роли их определены).

В-третьих, это было бы весьма справедливо, чтобы яркий свет всенародной есенинской славы осветил бы хоть краешек той глыбы, на которой или рядом с под духовно-эстетической защитой которой этот светильник возрастал воздымался (полагаю, Есенин бы этому не противился).

В-четвёртых, что очень важно, уж коли литературная общественность (даже и зарубежная) признаёт мировое значение Ключева как великого поэта, то и народ наш не мешало бы просветить в отнюдь не простом творчестве этого поэтического титана. И предлагаемый памятник-тандем может послужить к тому наилучшим средством. Ведь спросите в России любого встречного про Есенина, а потом про Ключева, и всё станет ясно. Так не пора ли и Сергею Александровичу послужить другу своему в роли «продюсера», так как памятник такой неизбежно будет стимулировать к познанию творчества Ключева, как близкого друга и «духовного родственника» всеми любимого С. Есенина.

В-пятых, возможная уникальность такого памятника (на что можно надеяться в случае достойноговысокого уровня его исполнения и ландшафтно-архитектурного оформления размещения) должна повысить туристическую привлекательность Томска, как «Сибирских Афин», причём, более чем сибирского масштаба.

И ещё одно обстоятельство нельзя не отметить. Ведь сказывал однажды Иисус Христос ученикам своим (см. в Библии Евангелие от Иоанна, в гл. 12), что плодотворное зерно, само умирая в благодатной земле, должно дать много плода. И коли так случилось, что драгоценное зерно исконно российской культуры народилось в земле олонецкой, вызревало в центральной России, а «грозыным сполохом событий» занесено было в край нарымский и погребено в нашей земле «Сибирских Афин», то отсюда ему и возрастать надлежит для обильных духовных плодов. И обеспечить это – наш долг перед российской культурой. А если кому-то кажется, что лично он и всё наше поколение не имеет уже к тем событиям никакого отношения, то надо бы иметь в виду, что само название представляемой книги «Мать Суббота» символизирует, прежде всего, глубокую идею родительской субботы, идею «о единении душ, ибо все в мире этом и мире том живы, о продолжении отчего дела и о продлении рода».

В свете приведённых соображений финансовая сторона вопроса о предлагаемом памятнике представляется не принципиальной и преждевременной. Прежде всего, следует реализовать уже существующий проект памятника Ключеву вблизи Каменного моста. Хотя, возможно, правильней было бы разместить его на Каштачной горе, у южной стороны строящегося там храма вблизи поминального креста, т. е. как раз на месте предречённой себе гибели поэта.

Предполагаемый же новый памятник двум поэтам, мне кажется, уместно было бы поставить вблизи мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» в центре города. Ведь оба они являются жертвами той системы. Памятник не должен поражать ни своими размерами, ни чрезмерной оригинальностью. Пусть будет он скромным, но, желательно, «осенённым» сверху каким-либо покрытием.

В преддверии 50-летия Томской областной писательской организации, её ветеран, поэт и писатель Сергей Заплавный в своей публикации статье «Пятая стихия бытия» («НВ» №2, 2012) отметил, что в те 60-е годы Томск претендовал на роль поэтического Олимпа Сибири, что многие Томичи (и особенно вузовская молодёжь) были буквально одержимы поэзией. Ещё у многих в памяти Дни поэзии и другие мероприятия, проводимые тогдашними вузовскими литературными объединениями (*литто*), в Лагерном саду и на других площадках города. Так неужели сам народ не сможет воздвигнуть столь знаковый и значимый для Томска памятник (и для имиджа его, и для духа, как города поэтической сказки), если городским и областным властям это окажется не по силам? Я думаю, откликнутся многие, если провести надлежащую просветительскую работу, организацию которой должны взять на себя как творческая общественность, так и администрация города. После решения вопроса в принципе, следует организовать конкурс всероссийского масштаба на создание скульптурной композиции памятника, организовать широкое обсуждение вариантов памятника и его размещения.

...

сделал. Пришёл Р.С. и привёл с собой Николай Алексеича. Правда, он уже был немножко какой-то озабоченный. И говорит: “Нина Петровна, можно мне оставить у вас ненадолго Николай Алексеича. Мне нужно сходить в одно место, я за ним приду”. Я говорю: “Ну конечно, пожалуйста”. Он ушёл. Николай Алексеевич вошёл ко мне в комнату. Встретил его мой сын, ему было два года. Он говорит: “**Ой какой милый мальчик! Ну, давай познакомимся**”. Сели. Потом он обратился ко мне и сказал, что он очень любит детей и что он знает много сказок. “**Вот, – говорит, – даже Серёженьке, нашему Серёженьке** *[тут она пытается интонацией передать особую нежность, с которой Клюев произносил имя Есенина – В. Б.]*, ведь Вы знаете, у него были очень сильные головные боли часто. И вот он иногда придёт, такой больной, какой-то взволнованный, скажет: “**Николенька, расскажи мне какую-нибудь сказочку**”. У него такая была специальная табуреточка, он садился около меня, положит головку ко мне на колени, я вот перебираю его локоны и рассказываю одну, другую сказку... Сначала он стонет, беспокоится, вот постепенно затихает и засыпает. И вот он покамест спит, я не шелохнувшись сижу, жду, чтобы только его не побеспокоить.” Ну а потом, говорит, всё идёт хорошо. Это он мне всё рассказал. Потом говорит: “**Милый мальчик? А ты...**” Кстати, он что ещё спросил его: “**А ты крещёный?**”. Тридцать седьмой год был. Я говорю: “Нет, он не крещёный”.

– **Что вы делаете. Вы же понимаете, что он губит свою душу.**

– Что ж поделаешь...

Тогда он обращается к нему: “**Малыш, а ты любишь сказки?**” Но тому, правда, было два года, но он сразу: “Да, люблю”.

– **Ну, слушай. Я расскажу тебе сказочку. Садись ко мне на колени.**

Сел он к нему на колени... А вообще он такой... Ну, вы представляете, какое у него было лицо: немножко такое опухшее лицо, утомлённое...

– **Ну, я расскажу тебе сейчас сказочку.**

Откашлялся. Выпрямился. И вы можете представить?, что это стал совершенно другой человек. Это... такое удлинённое строгое лицо, лицо вот такого старца... из... иконы. Причём, вы понимаете, он даже стал какой-то стройный... Меня настолько это поразило. Вот я до сих пор это вспоминаю: передо мной был другой человек. Он откашлялся и начал рассказывать сказочку.

– **Я тебе расскажу сказочку про кота-ворюгу.**

Ну, конечно у мальчишки вот такие глаза...

– **Так вот. Жила-была бабушка, Федосья. Был у неё кот, бе-е-лай-белай, как смя-та-на.**

Вы знаете, такая была фраза. Вот она до сих пор у меня в ушах...».

Далее следует пересказ этой уже известной (из других воспоминаний о Клюеве) сказки, в содержании которой Н. П. всегда сомневалась при своих воспоминаниях, т. к. при рассказе том она отвлекалась на кухню, чтобы приготовить что-нибудь к чаю к приходу Ильина. В одном она только была уверена, что сказки такой до этого она не слышала и не читала нигде.

В середине интервью был задан вопрос:

– *Нина Петровна? Вот есть такая версия, что в последние свои месяцы жизни Клюев Николай Алексеевич был немощен...*

– Абсолютно ничего подобного. Ну вот, здесь, вы знаете, особенно когда он сел, он был полон сил. Но это, конечно, {...} а он пришёл, ну – дряхлый человек, но, во всяком случае, развалиной его назвать нельзя было. Как он был одет? Наверно вам интересно, потому что рассказывали, что иногда он бывал просто, вы знаете, ну в отрепьях.

Далее был сбой записи. И продолжение с полуслова:

– ...тёмно-серый. Значит, толстовка, подпоясанная ремешком, брюки тоже тёмные, но всё это было совершенно чистое и вполне такое... {... *заправленное*} в сапоги. Так что одет он был вполне-вполне нормально. Но потом мне пришло в голову, что это как будто бы был костюм Ростислав Сергеича. Что он был не в своём костюме, а в костюме Р. С. Наверное это так и было. Но это был вполне опрятный, вы знаете, костюм.

– *И сколько он у вас пробыл?*

– Теперь, когда он кончил рассказывать, {...} он разговаривает с сыном, я говорю: “Я сейчас пойду скорей поставлю чай, скоро придёт Р. С., я вас напою чаем”. Пошла ставить чай, и через минут пять-десять – звонок, приходит Р. С., причём явно, вы знаете ли, расстроенный: “Уж Нина Петровна, извините, мы пойдём”. Я говорю: “Да что Вы, Р. С., вы выпьете чая...”. Он говорит [*очень тихо*]: “Нет, Нина Петровна, мы пойдём”. Ну я вижу, что что-то тут {...} какое-то было уже, очевидно, где-то..., где он был, я его не спросила, он мне не говорил, мне неудобно было... Тогда Николай Алексеич встаёт [*тут она имитирует тихие и грустные слова Клюева*]: “Уж Вы простите, ... пойдём...”. И подаёт мне книжку: “**Передайте Иван Михалычу, он много {...}**”. Ну, я была, в общем, благодарна, потому что, конечно, это всё-таки подарок уникальный...

– *А он что-то написал?*

– Вот, вы знаете, ... вот здесь [*на внутренней стороне ... обложки*] была приклеена бумажка. И чернилами было написано: «Ивану Михайловичу Мягкову». Но почему-то вот так..., а здесь [*она указала на верхний правый угол обложки, где явно стёртая надпись*] {...} по-моему здесь было написано «Клюев». Он долго у нас лежал [*этот экземпляр*], потом он у нас пропал, эта книга, с трудом мы её нашли, но всё-таки теперь она у нас есть. Вот так обстоит дело с этой книгой. И больше я не увидела..., ни его, ни Ростислав Сергеича. Его через два или три дня взяли... Потому

что Ростислав-то Сергеич был в том же геологическом управлении, где был мой муж, поэтому там же всё сразу узнавалось. Он пришёл [И. М.], через два или три дня, с работы {...} говорит: “Это была твоя последняя встреча”. А потом, ещё через несколько дней, не стало и Ростислав Сергеича. И навсегда.

Тогда удивило Нину Петровну, что дарственную надпись Клюев сделал на маленькой бумажке, которую приклеил к внутренней стороне обложки. Но вскоре она поняла, что такой странный способ дарственной подписи был умышленной предосторожностью автора, из-за боязни навредить получателю подарка – от столь «опасного» дарителя. Ведь вскоре им всей семьёй пришлось “перетрясать” всю их обширную библиотеку и выскребать многие надписи, в основном петербургских (тогда уже ленинградских) дарителей, а если не удавалось стереть, то приходилось книгу сжигать, т. к. прятать её становилось уже смертельно опасным риском.

В конце интервью Нину Петровну спросили:

– А Клюев в Томске был безвестным поэтом? Или всё-таки ...

– ... Вот вам бы надо было..., у меня, кстати, где-то есть... Как раз группа студентов приходила к нему на дом. Как он с ними разговаривал... Это всё есть у Пичурина. Пичурин занимался им долго и серьёзно. ... В общем, он очень редко встречался и очень редко где бывал. Перед этим ещё были у него встречи с Ниной Иннокентьевной Геблер [хорошая знакомая Мягковых]. Но это тоже есть запись. ... Как она с ним познакомилась... Её муж, первый муж, я его не знала, ... он ведь писатель был. ... Она жила в самом начале ... [улицы Розы Люксембург], там есть аптека. И вот где-то в этом дворе жила она и муж. И на мосту [Каменном] она встретила оборванного, совершенно обрюзгшего такого человека, который сказал: “**Подайте Христа ради, я очень голоден, ... я голодаю**”. Она врач ... говорит: “Ну, пойдёмте, пойдёмте к нам, ... причём, я когда привела его во двор, я подумала, что: а как муж отнесётся?”. Потому что время-то было страшное. Но это было не в 37-ом году, это значительно раньше, 35–34-й год. “Я, – говорит, – зашла {...} [объяснила мужу, что там] голодный. Он говорит: «Веди, конечно»”. И с тех пор он начал у них бывать. И она говорит, что он довольно часто у них бывал. ... Она его кормила. Но они очень часто и много беседовали на литературные темы. Вот то, что она мне сказала.

Дух и содержаниеимое творчества Клюева во многом мифологичны, как и его судьба. В его поэзии ощущается, а в самой жизни его проявлялось и отмечалось современниками немало и мистического. Но иногда мифы становятся реальностью, а присущая носителю мощного духа «мистика» не прекращается с уходом его из материального мира, но продолжает витать и проявляться в «заражённой» ею реальности, в жизни людей, причастных к личности, породившей эти мифы и мистичность. Вот и история представления этой книжицы и воспоминаний перед широкой, можно сказать, всенародной телевизионной аудиторией, как последнего привета великого русского поэта-философа, -мистика, -пророка, переданного через последних, видимо, в его земной жизни людей, способных его понимать, закончилась для Нины Петровны и её потомков довольно необычно. Ведь будучи человеком непубличным и

скромным, Нина Петровна в своём уже весьма преклонном возрасте согласилась на телевизионное интервью, понимая важность своего свидетельства о последних свободных проявлениях жизни и творчества великого соотечественника, важность этого свидетельства для истории и национальной культуры. Надеялась она дождаться этой телепередачи и, возможно, дождаться очевидных положительных сдвигов в реанимации исторической памяти и в осознании истинной роли и значения этого человека для России. Ждать пришлось долго, около двух лет. Но, увы... передача случилась по центральному телевидению в последний день жизни Нины Петровны, 12 февраля 1995 года. Ещё за день до этого она была в сознании. И представьте себе состояние её дочери, Натальи Ивановны Зеличенко, когда она пытается покормить из ложечки мать, уже почти не воспринимающую действительность, и вдруг звонят знакомые и родственники из Ленинграда, срочно велют включить телевизор, где по ЦТ идёт передача о Клюеве. А в соседнем подъезде внук Нины Петровны (Зеличенко Олег Владимирович, врач), за полчаса до этого придя после ночного дежурства и утреннего приёма больных и прикорнув на диване возле включенного телевизора, вдруг сквозь сон слышит голос как бы ожившей бабушки, в предсмертной немощи которой он как врач не мог сомневаться накануне; перед полусонным ещё взором его появляется вдруг (в экране) знакомая старинная мебель, которая уж несколько лет как перенесена на восьмой этаж в соседнем подъезде... Вообще воспоминания об этом указанных родственников довольно смутны, так как состояние их тогдашнее можно назвать, видимо, лёгким шоковым. Вечером того дня Нина Петровна скончалась, не приходя в сознание. И всё это происходило на фоне телефонных звонков от многочисленных родственников, друзей и знакомых, даже из Якутии, и в обмен на радостные сообщения о «виртуальной» встрече по ЦТ со всеми любимой и уважаемой Ниной Петровной все звонившие получали не менее экстренное, но печальное сообщение о реальной её кончине. Печальная ирония судьбы в духе «клюевской мистики» проявилась и в этой истории, как бы иллюстрируя эфемерность человеческих планов, намерений и усилий по сравнению с вышней реальностью.

Завершая фактографическую (не в самом строгом смысле) часть этой статьи, хотелось бы ещё заметить, что книжицу эту (постраничные скан-образы которой хранятся теперь в литературном музее при Доме искусств в Томске) ещё в годах 70-х я брал у Мяговых для ознакомления с неизвестным ещё для меня тогда поэтом. Сподвигла меня к этому младшая сестра Н. П. Мяговой (и моего деда) Юлия Петровна Безходарнова, библиограф по образованию, которая конечно же знала историю этой книжки и понимала поэтическое величие автора. На меня же, признаться, при технарском моём образовании, тогда эта поэзия не произвела должного впечатления, в силу её необычности «нестандартности» и моей неподготовленности для восприятия такого обилия иносказаний, «пира метафор», способного вызывать «вихри чувств» в душах, восприимчивых к такому разгулу поэтической стихии. Да и что же мы, получавшие тогда положенную школьную дозу гуманитарного образования в рамках всеобщего среднего, идеологизированного до абсурда в духе «истории» про КПСС и пресловутого соцреализма, что же могли мы тогда понять в поэзии Клюева? Ведь у него в каждом почти стихотворении в качестве главных элементов присутствуют религиозно-философские мотивы, библейские персонажи и сюжеты. А всё это в государстве воинствующего атеизма пряталось от народа и угнеталось в сознании людей.

В литературоведении и лингвистике в истории литературы продолжают исследования связей творчества двух великих поэтов: Клюева и Есенина. Их творческое и жизненное дружество подтверждается, в частности, и приведёнными выше воспоминаниями. Отнесение их обоих к направлению категории так называемых «новокрестьянских поэтов» является довольно условным, так как их поэтические миры гораздо шире крестьянской темы. Объединяющим в их творчестве является та народная глубинность, из которой произрастает их поэзия – из неизведанных ещё до конца недр российской ментальности и восточно-славянской языковой среды. Но широта и красота всегда на виду. Эти качества в совокупности с задушевностью есенинской лирики и простотой (понятностью) сюжетов, коллизий принесли всенародную любовь и славу этому поэту, который заслуженно стал неким символом великой и горемычной России, с её то мятущимся, то попусту ликующим, то подавленным и прозябающим в призрачных надеждах духом, не «устаканившимся» до сих пор внутренним миром. Глубина же поэзии (как и хорошей музыки) с неизъяснимой, потаённой её красотой не всем и не в раз видна, а прозревается лишь духовным виденьем зрением и постигается в чудесном развитии поэтического мироощущения и интеллекта. И эта сторона, т. е. глубинность поэзии, в которой сочетания слов и фраз уводят далеко за рамки их номинальных значений и буквального восприятия понимания, порождая чувства и мысли, созвучные авторским, эта глубинность в наибольшей степени присуща словесным творениям Клюева. Мало поэтов, способных сравниться с ним по мощи создаваемых ассоциаций. Он так смело вздымает почти забытые уже «рассейским» народом пласты объёмного поля родного языка, что при отображении его современными средствами компьютеры со своими скудными словарными ресурсами просто исходят «красной пеной» при выводе на экран его «словесных гостинцев».

Но широта и глубина мыслей и чувств, а также чрезвычайная языковая полнота для их выражения, не исключают и наличия во многих стихах Клюева всем доступной простоты и красоты его словесной вязи. На такие стихи его пишутся песни. И очень показательно, что даже среди детской аудитории поэзия Клюева находит своих юных поклонников, чему мы были свидетелями на Вторых Всероссийских Клюевских чтениях.

Известно наставническое влияние Н. Клюева на С. Есенина. Дух и поэтика творчества Клюева – это, если не сама почва, то, хотя бы, благодатное удобрение той почвы, на которой возростала есенинская поэзия и слава. Разлив и разгул всяческих течений в искусстве вообще и в поэзии в частности в начале минувшего века был весьма велик, что усугублялось и бурными событиями общественной жизни тех лет. Велик был соблазн опробования себя в заманчивых внешне и привлекательных для начинающих поэтов различных направлениях (символисты, имажинисты ... и др.), в основном западного толка. Возможно, близкое общение с Клюевым наиболее эффективно ограждало Есенина от различных пагубных влияний. И, видимо, не только для врачевания плоти шёл «Серёженька» к «Николеньке» Клюеву, но и для оздоровления духа и подпитки энергией для сопротивления натиску враждебных его натуре сил и обстоятельств. И не для того ли, в том числе, накануне своей гибели поехал С. Есенин, угнетённый действительностью, в Питер, чтобы встретиться с Клюевым. Но что-то к тому времени разладилось в их творческом союзе, и встреча не отвратила грядущих роковых событий в их судьбах.